

Вильгельм Тирский

ПАЛЕСТИНА
 ПЕРЕД НАЧАЛОМ КРЕСТОВЫХ
 ПОХОДОВ
 И ПЕТР ПУСТЫННИК
 (между 1170 и 1184 гг.)

НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ ДЕЙНИЙ, совершившихся в странах заморских, от времени преемников Магомета до года от воплощения Господня 1184-го, написанная преподобным Вильгельмом Тирским, архиепископом.

Пролог

Вильгельм, Божеским милосердием, святой Тирской церкви недостойный служитель, преподобным во Христе братьям, до которых дойдет настоящий труд, желает вешного спасения!

Пикто из людей благоразумных не усомнится в том, что описывать деяния королей и опасно, и весьма рискованно (*grandi plenum alea*). Помимо работ, усилий, бессонных ночей, с которыми бывает сопряжен труд подобного рода, историку угрожают еще пропасти с обеих сторон, и едва ли кому удастся избегнуть одной без того, чтобы не попасть в другую: уйдя от Харидды, он встретится со Сциллой, которая, будучи опоясана собачьими головами, умеет не хуже первой подвергнуть крушению. Историк или стремится исследовать истину содеянного и таким образом разжигает ненависть к себе во многих; или, желая избегнуть неудовольствия, умалчивает о целом ряде событий, но это уже порок, ибо стараться обойти истину и иметь намерение скрыть ее признается противным обязанностям историка. Отступать же от обязанностей, без всякого сомнения, значит впасть в вину, если только справедливо разумеют под обязанностью такую деятельность лица, которая вполне согласуется с обычаями и постановлениями отечества. По исследовать деяния, не искажая их и не отступая от правил истины, значит, всего чаще, вы-

зывать негодование, как то выражено в старинной поговорке: «Друзей – угодность, а истина врагов родит». Итак, историку предстоит или отступить от обязанностей своего призвания, выказывая недостойную угодность, или, преследуя истину, ему придется вызвать ненависть, матерью которой и бывает истина. Вот те две опасности, которым подвергаются историки и которые по очереди преследуют их. И наш Цицерон выразился так по этому предмету: «Тяжела истина, ибо из нее рождается ненависть, эта отравляющая дружба; но еще более тяжела угодность, спускательная к пороку, ибо она отвергает друзей в пропасть»; эти слова, очевидно, относятся к тому, кто из угодности, против долга и обязанности, скрывает истину. Если же кто, льстя другому, бесстыдно примешивает к случившемуся ложь, то такой поступок считается до того унижительным, что подобный историк не должен быть допускаем в число писателей. Утаивать истину деяний непозволительно и противно обязанностям писателя; тем более грешно пятнать истину ложью и ложное передавать легковерному потомству. Есть еще одна и даже более ужасная опасность, которой нужно избегать всеми силами тем, которые пишут историю: а именно, они обязаны не допускать, чтобы сухость речи и бедность содержания унизили достоинство деяний. Слово должно соответствовать делу, о котором идет речь, и язык писателя не должен отставать от возвышенности предмета. Потому следует весьма опасаться, чтобы богатство содержания не утратило чего от скудости изложения и чтобы немелкие рассказы не сделали ничтожным и вялым того, что само по себе важно и полносечно. По словам¹ нашего знаменитого оратора (то есть Цицерона) в его первой книге «Тускуланские беседы» (гл. 3), «взять на себя облечение в литературную форму своих размышлений и не уметь ни расположить их, ни отделать, ни обставить иштесно для читателя, может один человек, невоздержанный на досуг и писательство».

¹ На эти же слова ссылается Эгингард в гл. I, «Жизнь Карла Великого», императора; см. т. 2.